

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

КНИГА 11

ШКАТУЛКА КАЛИОСТРО

МУРАТ КАРАДЕНИЗ

Мурат Карадениз
Шкатулка Калиостро

«Автор»

2026

Карадениз М.

Шкатулка Калиостро / М. Карадениз — «Автор», 2026

Блокадный Ленинград, 1943 год. В подвале старой аптеки находят мёртвого красноармейца. В руке — фарфоровый флакон с гравировкой «Cagliostro. 1780». На стене — угольный рисунок змеи, кусающей свой хвост. Капитан НКВД Алексей Ухтомский понимает: он наткнулся на след легендарного авантюриста, чьи «чудеса» до сих пор будоражат воображение. Граф Калиостро, изгнанный из России, спрятал в Петербурге четыре артефакта. Тот, кто соберёт их, узнает правду об императорской крови — правду, ради которой убивают и немцы, и свои. Ухтомскому предстоит пробраться в оккупированный Пушкин, уйти от погони с собаками и выжить в перестрелке. Но главная загадка — не в том, что удастся найти, а в том, что исчезло навсегда. Или только казалось. Спустя десятилетия правнучка Алексея берётся за дело, которое не удалось завершить предку. Ей предстоит пройти по следам до конца — и сделать выбор, который не удалось сделать ему. Что скрывали письма императора? И почему их так боялись те, кто знал правду?

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. «АПТЕКАРЬ»	9
ГЛАВА 1. «Стекло и яд»	9
ГЛАВА 2. «Пыль веков»	13
ГЛАВА 3. «Бесплатный лекарь»	16
ГЛАВА 4. «Тайный брат»	19
ГЛАВА 5. «Наследник а	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Шкатулка Калиостро

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 15 марта 1780 года, 23:00

Место: Санкт-Петербург, дом князя Гагарина на Дворцовой набережной

1780 | Граф Калиостро (Джузеппе Бальзамо)

Белая ночь стояла над Петербургом, но в особняке князя Гагарина на Дворцовой набережной все шторы были задернуты. С улицы не проникал ни один луч — только свечи. Двенадцать свечей в массивных подсвечниках освещали длинный зал с лепниной на потолке и портретами предков в золочёных рамах. Посреди зала стоял дубовый стол, накрытый чёрной бархатной скатертью. Вокруг стола — двенадцать стульев. На каждом стуле — брат в чёрном плаще с капюшоном. Никто не произносил ни слова. Тишина была такой плотной, что слышно было, как потрескивают свечи.

Двенадцать братьев «египетской» масонской ложи ждали своего учителя. Среди них — сам хозяин дома, князь Гагарин, недавно вступивший в ложу после того, как Калиостро вылечил его сына. Рядом с ним — Иван Елагин, директор императорских театров, масон старой школы, который поначалу скептически относился к итальянскому авантюристу, но после демонстрации «живой воды» изменил мнение. В дальнем конце стола — аптекарь Карл Пеля, владелец знаменитой аптеки на Васильевском острове, человек в очках с толстыми линзами, который записывал каждое слово Калиостро в свой блокнот. Остальные девять — дворяне, офицеры, купцы — лица скрыты капюшонами.

Дверь в конце зала отворилась. Вошёл он. Граф Калиостро — хотя никто в России не знал наверняка, граф ли он. Высокий, плотного сложения, с пронзительными тёмными глазами и чёрной бородой, которую он носил с вызывающей небрежностью. На нём был чёрный плащ, расшитый золотыми символами — змеями, пирамидами, всевидящим оком. В правой руке он держал резной посох из чёрного дерева.левой рукой он придерживал небольшую шкатулку, инкрустированную слоновой костью.

— Братья, — сказал Калиостро голосом, в котором звучала итальянская певучесть и железная уверенность. — Мы собрались здесь в последний раз. Императрица приказала мне покинуть Россию. Мой корабль отплывает через две недели.

По залу прокатился приглушённый ропот. Князь Гагарин поднялся:

— Мы можем написать прошение. Екатерина Великая — мудрая государыня. Если мы объясним ей, что вы не шарлатан, а...

— Нет, — перебил Калиостро. — Я не прошу заступничества. Екатерина приняла решение. Она считает меня обманщиком, и ничто не изменит её мнения. Но я оставлю вам кое-что. Наследие, которое переживёт меня.

Он поставил шкатулку на чёрную бархатную скатерть. Символ на крышке — Уроборос, змея, кусающая свой хвост — блеснул в свете свечей.

— Что внутри? — спросил Елагин.

— Сначала я покажу вам ключи, — ответил Калиостро.

Он поднял левую руку. На его пальце блеснул золотой перстень — массивный, с выгравированным Уроборосом и инициалами «С.Р.» на внутренней стороне. «Это первый ключ, — сказал Калиостро. — Без него шкатулка не откроется. Замок устроен так, что только этот перстень, своим микрорельефом, может повернуть механизм». Он снял перстень и положил на стол рядом со шкатулкой.

Затем он достал из внутреннего кармана плаща флакон из тёмного стекла, заткнутый корковой пробкой. Жидкость внутри казалась мутноватой, с зеленоватым отливом. Калиостро откупорил флакон — по залу разнёсся резкий кислый запах с примесью горечи.

— Это «живая вода», — сказал он. — Я приготовил её по рецепту древних египетских жрецов. Царская водка — смесь соляной и азотной кислот — снимает верхний слой кожи, стирая морщины. Опий, растворённый в спирте, проникает в кровь и дарит ощущение лёгкости и эйфории. Пациент чувствует себя молодым и здоровым. Это не магия, братья. Это химия.

Он подозвал одного из братьев — пожилого купца с морщинистым лицом. Купец нерешительно протянул руку. Калиостро капнул три капли жидкости на тыльную сторону его ладони и велел растереть. Через минуту кожа на руке купца порозовела, морщины сгладились. Купец ахнул.

— Это не чудо, — повторил Калиостро. — Но люди верят в чудеса. А вера, братья, — самое сильное оружие на свете. Тот, кто умеет управлять верой, управляет миром.

Третьим предметом, который Калиостро достал из-за пазухи, была колода карт в кожаном футляре. Он высыпал карты на стол — двадцать два листа пергамента, покрытых символами, которые не имели ничего общего с обычными картами Таро. Вместо привычных «Колесницы» и «Башни» здесь были изображены пирамиды, сфинксы, змеи, глаза в треугольниках.

— Это не для гадания, — сказал Калиостро. — Это шифр. Каждая карта означает букву, цифру или координату. Посвящённый, имеющий код, прочитает послание. Непосвящённый увидит лишь красивый орнамент.

Аптекарь Пеля поднял одну из карт, поднёс к свече.

— А если ключ утерян?

— Ключ всегда при вас, — ответил Калиостро, кивнув на перстень. — Микрорельеф на внутренней стороне перстня — это и есть код. Приложите перстень к карте под определённым углом — и вы увидите буквы, проступающие сквозь рисунок.

Он взял перстень, надел его на палец, затем поднёс к одной из карт. Символы на карте, казалось, засветились.

— Видите? — спросил он. — «А». Первая буква алфавита. Таким образом, эта колода — кодовая книга для передачи секретных сообщений между братьями ложи.

Теперь Калиостро взял шкатулку. Он вставил перстень в углубление на крышке — раздался тихий щелчок, и крышка приоткрылась. Внутри лежали письма, пожелтевшие, перевязанные шёлковой лентой.

— Это правда об императорской крови, — сказал Калиостро, не вынимая писем. — Имена, даты, события, которые перевернут представление о династии. Тот, кто прочитает их, узнает, почему Павел — сын Екатерины — спит с кинжалом под подушкой. Почему он боится собственных приближённых. Почему заговорщики уже точат ножи.

Братья замерли. Князь Гагарин спросил:

— И что нам делать с этим знанием?

— Ничего, — ответил Калиостро. — Пока. Я уезжаю. Но Россия остаётся. И однажды, через сто лет или в час великой опасности, кто-то должен собрать все четыре предмета, открыть шкатулку и прочитать письма. И тогда правда выйдет наружу. Но помните, братья: правда эта убьёт того, кто её откроет.

— Почему? — спросил Елагин.

— Потому что правда всегда убивает, — усмехнулся Калиостро. — Иллюзии, надежды, веру в доброго царя. Человек, узнавший правду, уже не сможет жить как прежде.

Он закрыл шкатулку, вынул перстень и положил его рядом. Затем разложил на столе четыре предмета: флакон, колоду карт, перстень и шкатулку.

— Я спрячу их в четырёх местах, — сказал он. — Флакон — в аптеке Пеля. Карты — в подвале Екатерининского дворца Царского Села. Перстень — в алтарной части Феодоровского собора. Шкатулку — в доме Радищева на Васильевском острове. Вы, братья, будете хранить тайну. Никто из вас не знает всех четырёх мест — только каждый своё. Чтобы никто не смог выдать тайну под пытками.

Он достал из кармана листок бумаги, на котором был записан список мест — и поднёс его к свече. Бумага вспыхнула, загорелась ярким пламенем, и Калиостро бросил её в медную чашу, стоящую на столе. Пепел смешался с воском.

— Теперь тайну хранит только моя память, — сказал он. — И ваша клятва.

Братья встали. Двенадцать человек в чёрных плащах подняли правые руки и произнесли хором:

— Клянёмся хранить тайну до часа, когда правда должна выйти наружу.

Калиостро кивнул. Он собрал предметы, уложил их в небольшую дорожную сумку, взял посох и направился к двери. У порога он обернулся.

— Прощайте, братья. Я не вернусь в этот город. Но тайна останется с вами. Помните: змея кусает свой хвост. Всё возвращается на круги своя. И правда, которую вы спрячете сегодня, однажды выйдет наружу. Будьте готовы.

Он вышел в коридор. За ним захлопнулась дверь. Братья переглянулись. Аптекарь Пеля снял очки, протёр их. Князь Гагарин перекрестился — по привычке, хотя масонам креститься не полагалось. Елагин задул свечи. Через минуту зал погрузился в темноту.

Снаружи, на Дворцовой набережной, Калиостро сел в карету. Кучер хлестнул лошадей. Карета покатила по набережной, прочь от Зимнего дворца, прочь от Петербурга. Калиостро откинулся на кожаную подушку, закрыл глаза.

«Я вернусь, — подумал он. — Но не в этом теле. Через сто лет. Или через двести. Россия — страна тайн. И тайны эти переживут меня».

Карета исчезла в белой ночи. А в особняке князя Гагарина догорали свечи. И двенадцать братьев хранили молчание.

ЧАСТЬ I. «АПТЕКАРЬ»

ГЛАВА 1. «Стекло и яд»

Время: 15 января 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, аптека Пеля (7-я линия Васильевского острова, 16-18)

Блокада | Алексей Ухтомский

Январское утро 1943 года было серым и морозным. Алексей Ухтомский, капитан государственной безопасности, шагал по седьмой линии Васильевского острова, проваливаясь в рыхлый снег. Мороз был градусов двадцать, не меньше — воздух обжигал ноздри, иней оседал на воротнике шинели, и каждое дыхание вырывалось облаком пара. Его валенки промокли ещё на полпути — снег набивался в голенища, таял от тепла ног, и теперь каждый шаг отдавался хлопанием и неприятным холодом, подбирающимся к пальцам. Алексей шёл не быстро — быстрее было нельзя, сил почти не оставалось. Он недоедал, как и все в Ленинграде. Сто двадцать пять граммов хлеба в день — это не та норма, от которой бодро шагают по сугробам.

Впереди возвышалось здание бывшей аптеки Пеля — три этажа из красного кирпича, с облупившейся штукатуркой и выбитыми стёклами на втором этаже. До войны это была одна из самых известных аптек Санкт-Петербурга — её основали ещё в XVIII веке, и даже Пушкин, говорят, захаживал сюда за лекарствами для Натальи Николаевны. Теперь — руина, как и всё вокруг. Кирпичная кладка кое-где обвалилась, обнажая рваные дыры, в которых виднелись обгоревшие балки. Похоже, в аптеку попала бомба в прошлом году — или зажигалка. Алексей не помнил. Все дни смешались в один бесконечный блокадный кошмар.

У входа стоял патруль — двое красноармейцев с винтовками наперевес. Оба были худые, с землистыми лицами, обмороженными щеками и воспалёнными глазами. Один из них, молодой парень, с трудом поднял руку для приветствия — видно было, что каждое движение даётся ему с трудом. «Товарищ капитан, — сказал он сиплым голосом. — В подвале труп. Санитары ждут, пока вы осмотрите, но долго не могут — у них ещё два вызова в очереди». Алексей кивнул, сунул руки в карманы шинели и шагнул внутрь.

В нос ударил запах сырости, гнили и ещё чего-то кислого, напоминающего уксус или прокисшее вино. Этот запах был настолько сильным, что Алексея едва не вырвало — он зажал нос рукавом и постоял несколько секунд, привыкая. Потом спустился по скрипучей деревянной лестнице в подвал. Ступени прогибались под его весом, грозясь провалиться, и на каждой из них Алексей внутренне готовился к тому, что сейчас ухнет в темноту и сломает ногу. Но лестница выдержала. Чудо.

Подвал был просторным, с низкими кирпичными сводами, выложенными ещё при Екатерине II — кладка была в отличном состоянии, несмотря на возраст. Когда-то здесь хранились лекарственные травы, склянки с настойками и порошки в фарфоровых банках. Теперь пол был усыпан битым стеклом и обрывками бумаги — рецептами, этикетками, какими-то бланками довоенного времени. Алексей перешагивал через осколки осторожно — они хрустели под подошвой валенок, как свежий наст.

В углу, у дальней стены, лежал труп красноармейца. Тело было неестественно скрючено — ноги поджаты к животу, руки вытянуты вперёд, как будто убитый пытался ползти или защищаться. Лицо было серым, восковым, с глубоко запавшими щеками и приоткрытым ртом. Глаза были широко открыты, но взгляд был мёртвым, остекленевшим. На шее зияла глубокая рана — как будто кто-то перерезал горло ножом с зазубренным лезвием, не одним движением, а несколькими, в исступлении. Крови было много — она залила воротник шинели, засохла

коричневыми потёками на груди и на полу рядом с телом образовала небольшое тёмное пятно, вмёрзшее в бетон.

Но не это привлекло внимание Алексея. Он присел на корточки, разглядывая содержимое застывшей руки убитого. Пальцы были сведены трупным очечением — разжать их можно было только с усилием, ломая кости. Алексей потратил минуту, осторожно отгибая онемевшие пальцы один за другим. В ладони оказался зажат маленький фарфоровый флакон.

Флакон был не больше мыльницы, изящной формы — с узким горлышком и выпуклыми боками. Алексей поднёс его к свету — единственная лампочка горела над лестницей, давая тусклый жёлтый свет. На боку флакона он увидел клеймо Императорского фарфорового завода — двуглавый орёл, и надпись вязью, которую с трудом удалось разобрать: «Cagliostro. 1780». Флакон был пуст, но на внутренних стенках оставался мутный налёт, а с дна, когда Алексей перевернул его, посыпались крошки засохшей пробки — чёрные, похожие на уголь. Алексей понюхал флакон — тот самый кислый запах, который он учуял при входе, исходил именно отсюда. Он поставил флакон на ладонь, взвесил. Лёгкий. Совсем лёгкий.

На стене за трупом кто-то нарисовал углём странный символ: змею, кусающую свой хвост. Рисунок был грубый, наспех сделанный — видимо, убийца не тратил время на художества. Но узнать этот символ было легко.

— Уроборос, — тихо произнёс Алексей. Он видел этот символ раньше — в старых масонских книгах, которые разбирал в архиве Эрмитажа ещё до войны, когда работал над диссертацией по геральдике. Тогда ему казалось, что это просто история, прошлое, которое не имеет отношения к реальной жизни. Теперь Уроборос смотрел на него со стены блокадного подвала, нарисованный кровью и углём.

Сверху послышались крики. Женский голос, истошный, срывающийся на визг. Алексей поднялся по лестнице на первый этаж как раз в тот момент, когда женщина в рваном платке — худая, бледная, почти прозрачная от голода — рванулась к лестнице в подвал. Патрульные попытались её задержать, но она вырвалась, кусаясь и царапаясь. «Гриша! Гришенька! — кричала она, не своим голосом. — Господи, за что?»

Она добежала до трупа, упала на колени в лужу замёрзшей крови, завывала — глухо, страшно, как воют по покойникам в деревнях. Алексей не мешал ей. Он стоял у лестницы и ждал, пока первый порыв горя не утихнет. Потом он помог ей подняться — взял под локоть, вывел из подвала, усадил на перевёрнутый ящик, который служил вместо скамейки.

— Вы вдова? — спросил он тихо.

Женщина кивнула, вытирая слёзы рукавом — рукав был мокрый от слёз и соплей, на запястье виднелись синие вены, выступающие сквозь тонкую кожу. Она была истощена до предела — такие умирают от дистрофии за несколько дней, если не начать их кормить. Алексей достал из кармана сухарь — свой паёк на обед — и сунул ей в руку. «Поешьте, — сказал он. — И расскажите мне всё, что знаете».

Женщина откусила кусочек сухаря — маленький, как воробей клюёт — и заговорила, глотая слёзы и крошки.

— Он работал здесь сторожем после войны. Ну, когда аптеку закрыли. Аптека Пеля, говорят, знаменитая была, ещё при царе. Гриша говорил, что в подвале ещё довоенные запасы остались — какие-то старые флаконы, микстуры, порошки. Он хотел их на спирт обменять, чтобы мне на блокаду... на хлеб... — Она запнулась, закашлялась. — Гриша говорил, что приходили к нему какие-то люди. Немцы, говорил, или не немцы — на ломаном русском, но в форме нашей. Он не понял. Спрашивали про «шкатулку» и про какие-то «артефакты». Гриша ничего не знал, он клялся! Он просто аптекарь был, сторож!

Алексей нахмурился. «Шкатулка», «артефакты» — эти слова выбивались из привычного словаря блокадного Ленинграда. Здесь говорили о хлебе, о пайках, о бомбёжках, о том, у кого умер ребёнок. «Шкатулка» звучало как из другой жизни.

— Они вернулись вчера, — продолжала женщина. — Гриша не хотел пускать, но они силой... Я слышала крики из подвала, а потом тишина. Я испугалась, убежала к соседям. А сегодня пришла — а он... — Она снова заплакала, закрыла лицо руками. Алексей дал ей напиток из фляги — тёплой, отдающей ржавчиной.

— Спасибо, — прошептала женщина. — Вы найдёте их, товарищ капитан?

— Найду, — ответил Алексей. Он не знал, говорит ли правду, но врать ей в таком состоянии было бы жестоко.

Он поднялся наверх. У входа его уже ждал лейтенант из особого отдела — молодой, с острым кадыком и подозрительным взглядом. В петлицах лейтенанта блестели две маленькие шпалы. «Товарищ капитан, — сказал он без приветствия. — Приказ сверху: дело закрыть, тело передать родственникам для захоронения. Война — сами понимаете — не до бандитских разборок». Алексей хотел возразить, но лейтенант уже повернулся и зашагал прочь, на ходу доставая папиросу.

Алексей подождал, пока санитары завёртывали труп в промасленную ткань — грубую, пропитанную чем-то вонючим, чтобы замедлить разложение. Женщину увели — она шла, пошатываясь, держась за стену. Патрульные перекуривали на улице, обсуждая свои похоронные дела — у кого жена умерла, у кого дети.

Алексей задержался. Он ждал, пока патрульные уйдут, пока на лестнице стихнут шаги, пока хлопнет входная дверь. Когда в аптеке не осталось никого, кроме него, он снова спустился в подвал.

Он осматривал стены методично, дюйм за дюймом. Провёл рукой по кирпичной кладке — шершавой, холодной, кое-где покрытой инеем. В дальнем углу, за ржавым угольным щитом, он заметил неладное — кирпичи здесь были светлее, чем остальные, а раствор между ними ещё не полностью высох. Недавняя кладка. Алексей отодвинул щит — тот заскрипел, отвалился кусок ржавчины, оставив коричневый след на перчатке.

За щитом оказалась ниша, выложенная кирпичом, но кирпичи были недавно разобраны и снова заложены наспех — криво, небрежно, кое-как. Кто-то был здесь до него — и не один. В нише остались следы: обрывок газеты «Ленинградская правда» за август 1941 года, окурки папиросы «Беломор» (свои? чужие? — непонятно, «Беломор» курили все — и красноармейцы, и сотрудники НКВД, и, наверное, немецкие агенты, если у них была такая возможность), и пустой спичечный коробок с надписью «Ленинградская спичечная фабрика — 1940».

Алексей выпрямился. Он посмотрел на флакон, который всё ещё сжимал в руке. Флакон был изящный, дорогой — такие делали в XVIII веке на Императорском фарфоровом заводе для аптекарских нужд. Клеймо «Cagliostro. 1780» не оставляло сомнений: флакон принадлежал знаменитому авантюристу.

Убитый красноармеец ничего не знал — Алексей был в этом уверен. Он был случайной жертвой, оказался не в том месте не в то время. А может, его убили именно потому, что он что-то видел или слышал. Флакон — это улика. Но не единственная. В нише должны были быть другие предметы. Алексей чувствовал это нутром — так охотник чувствует след зверя. Тот, кто убил красноармейца, опередил Алексея. Он забрал то, что лежало в нише, а флакон обронил в спешке.

Алексей сунул флакон во внутренний карман шинели — рядом с партийным билетом и наганом. Карман был на груди, ближе к сердцу — там было теплее. Он решил разобраться сам, без санкции начальства. Своим чередом. Если доложить Сорокину, дело закроют приказом сверху, как только что закрыли труп красноармейца. А если молчать и работать тихо, может быть, удастся выйти на след.

На улице снова пошёл снег — мелкий, колючий, ветреный. Алексей поднял воротник и зашагал к Смольному. В голове вертелся Уроборос — змея, кусающая хвост. Символ вечного возвращения. Всё возвращается на круги своя. Алексей думал о том, какие ещё «артефакты»

искали немцы — или свои — в блокадном Ленинграде. И зачем Калиостро, умерший полтора века назад, вдруг всплыл из небытия.

ГЛАВА 2. «ПЫЛЬ ВЕКОВ»

Время: 15 января 1943 года, 14:00

Место: Ленинград, архив аптеки Пеля (второй этаж)

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей не спешил покидать аптеку. Он докурил папиросу у входа, глядя на серое небо, тяжелое от низких облаков, из которых сыпалась мелкая колючая крупа. Где-то далеко, за Невой, ухали зенитки — обычный звук блокадного Ленинграда, к которому привыкаешь, как к собственному сердцебиению. Но сегодня этот звук казался другим — тревожным, предупреждающим. Алексей бросил окурочек в сугроб, придавил его каблуком и вернулся внутрь.

В подвале он уже всё осмотрел. Теперь его интересовал второй этаж. Вдова упомянула, что в аптеке был архив — старые рецептурные книги, довоенные и дореволюционные. Если флакон пролежал здесь с 1780 года, то должны были остаться записи. Алексей поднялся по скрипучей лестнице, переступая через выломанные ступени — некоторые из них зияли черными провалами, и приходилось прыгать, чтобы не провалиться. На втором этаже его встретил запах сырости, плесени и горелой бумаги — видимо, сюда тоже попала бомба или зажигалка.

Архив располагался в большой угловой комнате с тремя высокими окнами, выходившими на седьмую линию. Стекол не было — только пустые рамы с обрывками белых занавесок, которые трепетали на сквозняке, как привидения. Пол был завален бумагами — сотнями, тысячами листов, размокших от снега, наносимого ветром, рассыпающихся в труху при малейшем прикосновении. Алексей перешагивал через завалы, стараясь не наступить на то, что ещё можно было прочитать.

Он начал с дальнего угла, где стояли два тяжелых дубовых шкафа с выдвижными ящиками. Надписи на ящиках — «Рецепты 1910–1915», «Корреспонденция 1900–1905», «Инвентарные описи 1890–1900». Алексей потянул за медную ручку одного из ящиков — ящик не поддавался, замёрз. Пришлось бить по нему прикладом нагана — замок хрустнул, ящик выдвинулся, и из него вывалилась груда старых папок, перевязанных бечёвкой.

Он работал методично, не торопясь. Блокада приучила его к медлительности — когда каждый лишний шаг отнимает калории, которых и так нет, спешить бессмысленно. Он развязывал бечёвку, перебирал бумаги, откладывал в сторону то, что казалось бесполезным — счета, накладные, прайс-листы, — и бережно складывал в отдельную стопку то, что могло иметь отношение к восемнадцатому веку.

Через час он нашёл то, что искал.

Это была рецептурная книга 1780 года — в кожаном переплёте, с медными уголками, выцветшими до зеленого цвета. Кожа на корешке облупилась, бумага пожелтела и стала хрупкой, как сухой лист. Алексей открыл книгу на первой странице и увидел каллиграфический почерк с завитушками — на русском и латыни. Он начал листать, вглядываясь в старинные рецепты: настойки валерианы, микстуры от кашля, порошки от лихорадки. Имена покупателей — графы, князья, купцы первой гильдии. Аптека Пеля в восемнадцатом веке была местом для избранных.

На пятьдесят седьмой странице его пальцы замерли.

Запись была сделана не обычным фармацевтическим почерком, а каллиграфически, с красной строки и с особым значком на полях — маленькой змеей, кусающей хвост. Уроборос. Тот же символ, что и на стене в подвале.

«Эликсир для графа К. — aqua regia, opium, spiritus vini. Способ приготовления: смешать в равных пропорциях. Наружное применение — три капли на ладонь, втирать до покраснения.

Внутреннее применение — одна капля на стакан воды, не более раза в день. Хранить в темном прохладном месте. Флакон № 7».

Алексей перечитал запись несколько раз, чтобы убедиться, что не ошибся. Aqua regia — царская водка, смесь концентрированной соляной и азотной кислот. Опиум — маковый сок, в малых дозах вызывающий эйфорию и ощущение тепла. Спирт — растворитель. Вот она, «живая вода» Калиостро. Никакой магии. Кислоты снимают верхний омертвевший слой кожи, стирая мелкие морщины. Опиум дарит чувство лёгкости и благодушия. Спирт расширяет сосуды, и лицо розовеет. Совокупность этих эффектов производит впечатление омоложения — ненадолго, на несколько часов, но пациент успевает поверить в чудо.

Алексей усмехнулся. Если бы он сам, будучи историком по образованию, не знал этого состава, он бы тоже, наверное, поверил. Калиостро был гениальным психологом — он понимал, что люди хотят верить, и давал им то, что они хотели. Не магию, а иллюзию магии. Этого было достаточно.

Он перевернул страницу. Следующая запись была более краткой: «Флакон № 7 передан брату Уробороса. Назначение — хранение до востребования. Место хранения — аптека Пеля, подвал, тайник за угольным щитом».

Алексей почувствовал, как сердце забилося быстрее. Тайник за угольным щитом — тот самый, который он уже нашёл. И флакон № 7 — тот самый, который лежит сейчас у него в кармане. Но запись говорила о том, что таких флаконов было несколько. Нужно было найти полную опись.

Он рылся в шкафу ещё час, пока руки не начали коченеть от холода. В комнате было не теплее, чем на улице — инеем покрылись не только окна, но и сами стены. Алексей перебрал ещё три ящика, прежде чем нашёл инвентарную опись 1780 года — отдельную тетрадь в картонной обложке, на которой было написано: «Особые препараты. Не подлежат продаже».

В описи перечислялись семь флаконов, каждый с пометкой «для членов ложи». Флакон № 1 — для князя Гагарина. Флакон № 2 — для Ивана Елагина. Флакон № 3 — для графа Панина. Флакон № 4 — для неизвестного (имя зачёркнуто). Флакон № 5 — для Потёмкина. Флакон № 6 — для самого аптекаря Пеля. И флакон № 7 — «для брата Уробороса. Хранить вечно. Передать только тому, кто предъявит перстень».

Четыре флакона? Нет, семь. Но это были разные флаконы — с разными составами. Алексей пробежал глазами описание состава флакона № 7 — тот самый, который у него в кармане. А что насчёт остальных? Флаконы № 1–6 были обычными лекарствами — опийными настойками, снотворными, обезболивающими. Только № 7 имел пометку «особый» и приписку: «Использовать только в ритуальных целях. Не для продажи».

Алексей закрыл тетрадь. Теперь он знал: флакон № 7 — это не лекарство. Это часть какого-то ритуала. Вместе с ним должны были быть другие предметы — возможно, те самые «артефакты», о которых говорила вдова. Карты. Перстень. Шкатулка.

Он оглядел комнату. Потолок был чёрным от копоти — здесь явно горело. Часть бумаг обуглилась, превратившись в хлопья пепла, которые рассыпались при малейшем дуновении. Алексей прошёлся вдоль стен, разглядывая то, что осталось от интерьера. В дальнем углу, за большим письменным столом, штукатурка обвалилась, обнажив старую кирпичную кладку. На одном из кирпичей Алексей заметил что-то похожее на рисунок.

Он подошёл ближе, провёл рукой. Под слоем сажи и пыли проступал герб — старый герб аптеки Пеля: чаша со змеей, как символ медицины. Но под гербом, ниже, был вырезан другой знак — циркуль и наугольник, переплетённые между собой, а между ними — Уроборос, змея, кусающая хвост. Масонский знак. Алексей видел такие в Эрмитаже, в запасниках, когда разбирал коллекцию масонских регалий, переданных в музей после революции.

Значит, аптекарь Пеля был не просто фармацевтом. Он был масоном. И его аптека служила не только для продажи лекарств, но и для тайных собраний.

Алексей отступил на шаг и посмотрел на комнату в целом. Сейчас здесь был хаос, разруха, холод. Но двести лет назад здесь, возможно, собирались заговорщики. Или люди, которые знали какую-то тайну. Тайну, ради которой убили красноармейца.

Он достал из кармана флакон № 7, повертел его в руках. Свет, падающий из пустых окон, отражался в тёмном стекле, создавая блики. На внутренней стороне пробки он заметил что-то — как будто крошечные буквы. Алексей поднёс флакон к окну, взгляделся. На оборотной стороне пробки, выжженная кислотой или выцарапанная иглой, была надпись: «Ключ у брата с кольцом».

Ключ у брата с кольцом. Алексей подумал о перстне. О том самом, который мог быть вторым артефактом. Если флакон — это «живая вода», то перстень — это ключ к чему-то. Возможно, к шкатулке.

Он спрятал флакон обратно в карман и решил, что сегодня уже достаточно. Нужно возвращаться в Смольный, докладывать Сорокину. Но не всё — Алексей не собирался рассказывать начальству о своих догадках. Не потому, что не доверял. Просто если Сорокин прикажет закрыть дело, как только что закрыли труп красноармейца, то Алексей никогда не узнает, что ещё скрывается в этой старой аптеке.

На улице темнело. Короткий блокадный день подходил к концу. Алексей закурил последнюю папиросу — «Беломор», с горчинкой, — и зашагал к Смольному. Ветер дул в лицо, бросая в глаза колючую снежную крупу. За спиной оставалась аптека Пеля — краснокирпичное здание, похожее на средневековый замок, где двести лет назад какой-то аптекарь-масон прятал флаконы с «живой водой» и переписывался с самим графом Калиостро.

Алексей не знал тогда, что это только начало. Что впереди — Пушкин, немецкая комендатура, карты Таро и золотой перстень, который откроет шкатулку с секретом императорской крови. Но он чувствовал — нутром, по-охотничьи, — что след, по которому он идёт, ведёт к чему-то большому. И что он не имеет права свернуть.

ГЛАВА 3. «Бесплатный лекарь»

Время: 25 декабря 1779 года, 15:00

Место: Санкт-Петербург, дом князя Гагарина

1779 | Граф Калиостро

Декабрьский Петербург 1779 года утопал в снегах. Неву сковало льдом ещё в ноябре, и теперь по ней тянулись вереницы саней — купеческих, дворянских, извозчичьих. Дым из труб стлался низко над крышами, смешиваясь с туманом, который поднимался от полыней. Город жил своей обычной жизнью — балы, маскарады, придворные интриги. Но в одном из особняков на Дворцовой набережной царила совсем иная атмосфера.

Князь Сергей Гаврилович Гагарин, потомок древнего рода, стоял у окна своей спальни и смотрел на заснеженную набережную. Ему было пятьдесят три года, но выглядел он на все семьдесят — седые волосы, глубокие морщины, мешки под глазами. Последние три недели он не спал больше двух-трёх часов в сутки. Его единственный сын, Николай, двенадцати лет, лежал в горячке. Лучшие доктора Петербурга — англичанин Роджерсон, немец Линдеман, даже лейб-медик императрицы — разводили руками. «Бог даст, выздоровеет, — говорили они. — А не даст — что ж, князь, у вас ещё есть дочери».

Князь Гагарин стиснул зубы. Дочери — это хорошо. Но род должен продолжаться по мужской линии. Если Николай умрёт, фамилия Гагариных не прервётся, но вот его, Сергея Гавриловича, ветка угаснет. А этого он допустить не мог.

В прихожей послышались голоса. Князь обернулся. Дворецкий, старый Филипп, служивший в доме ещё при отце князя, стоял на пороге с выражением крайнего недоумения на лице.

— Ваше сиятельство, там... э-э... гость.

— Кто? — раздражённо спросил князь. — Я никого не жду.

— Итальянец, — ответил Филипп таким тоном, будто сообщал, что в прихожей поселился леший. — Граф... как его... Калиостро. Говорит, что может вылечить молодого князя.

Гагарин нахмурился. Калиостро? Он слышал это имя. При дворе о нём говорили разное. Одни называли его великим магом и алхимиком, другие — шарлатаном и авантюристом. Говорили, что он лечит безнадежных больных, превращает свинец в золото и вызывает духов умерших. Говорили также, что Екатерина II отказалась его принимать и велела следить за ним.

— Проводите, — сказал князь после минутного колебания. Он понимал, что терять ему нечего. Если доктора бессильны, может быть, этот итальянец действительно сможет помочь.

Калиостро вошёл в спальню, и Гагарин впервые увидел человека, о котором судачил весь Петербург. Он был высокого роста, плотного сложения, с пронзительными тёмными глазами и чёрной бородой, которую носил с вызывающей небрежностью — такие бороды в ту эпоху были редкостью среди европейской знати. На нём был длинный плащ из чёрного бархата, расшитый золотыми символами — змеями, пирамидами, всевидящим оком. На шее висела масонская цепь с массивным медальоном. В руках он держал посох из чёрного дерева, наверху которого было вырезано в виде змеи, кусающей свой хвост. Уроборос.

— Князь Гагарин, — произнёс Калиостро голосом, в котором звучала итальянская певучесть и глубокая уверенность человека, привыкшего к тому, что ему верят. — Я слышал о болезни вашего сына. Позвольте мне взглянуть на него.

— Вы лекарь? — спросил князь с недоверием.

— Я тот, кто помогает тем, кому не могут помочь другие, — уклончиво ответил Калиостро. — Это не требует диплома. Требуется только знание.

Он подошёл к кровати, на которой лежал мальчик. Николай был бледен, как полотно, лоб горел жаром, губы потрескались. Он метался в беспамятстве, что-то бормотал на непонятном

языке. Калиостро сел на край кровати, положил руку на лоб мальчика, закрыл глаза. Прошло несколько секунд, минута. Князь затаил дыхание.

— Жар сильный, но не смертельный, — наконец сказал Калиостро, открывая глаза. — У вашего сына воспаление лёгких. Доктора правы — болезнь опасна. Но они не знают одного средства, которое известно древним египетским жрецам.

Он достал из внутреннего кармана плаща небольшой флакон из тёмного стекла — тот самый, флакон № 7, который через полтора века найдёт вподвале капитан Алексей Ухтомский. Внутри была мутноватая жидкость с зеленоватым отливом. Калиостро откупорил флакон — по комнате разнёсся кислородный запах, смешанный с горечью опия.

— Что это? — спросил князь, делая шаг назад.

— Эликсир жизни, — ответил Калиостро. — Он снимает жар, успокаивает боль и возвращает силы. Несколько капель — и ваш сын уснёт глубоким сном. А проснётся здоровым.

Он отсчитал три капли в серебряную ложку, разбавил их водой из стоявшего на тумбочке графина и осторожно влил в рот мальчика. Николай вздрогнул, кашлянул, а потом его тело расслабилось. Глаза закрылись. Через минуту дыхание стало ровным и глубоким — таким, какое бывает только у здоровых людей.

— Он уснул, — сказал Калиостро. — Через несколько часов жар спадет. К утру он будет здоров. А теперь, князь, позвольте мне немного отдохнуть с дороги. И мы поговорим.

Князь Гагарин смотрел на сына, потом на Калиостро, потом снова на сына. Он не знал, верить ли своим глазам. Но мальчик спал — впервые за три недели без бреда и метаний.

— Филипп, — позвал князь. — Проводите графа в гостевую комнату. И подайте ужин.

Калиостро поклонился и вышел из спальни.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Князь не ложился, сидел в кресле у кровати сына и смотрел, как мерно поднимается и опускается грудь Николая под одеялом. Калиостро не ошибся — через два часа жар начал спадать. К утру лоб мальчика стал прохладным, дыхание — спокойным. Николай открыл глаза, посмотрел на отца и слабым голосом попросил пить.

— Жив, — прошептал князь, крестясь. — Жив.

Утром он разыскал Калиостро в гостевой комнате. Итальянец сидел в кресле, читал книгу в кожаном переплёте — по виду старинную, с пожелтевшими страницами. На столе перед ним стоял завтрак, к которому он почти не притронулся.

— Граф, — начал князь. — Я не знаю, как вас благодарить.

— Я же сказал, князь, — ответил Калиостро, закрывая книгу. — Я лечу бесплатно.

— Но это невозможно, — возразил Гагарин. — Вы спасли моего сына. Я должен отблагодарить вас. Золото? Драгоценности? Имение?

Калиостро усмехнулся. В его усмешке было что-то такое, от чего князю стало не по себе — будто итальянец читал его мысли и видел их насквозь.

— Мне не нужно золото, князь, — сказал Калиостро. — У меня его достаточно. Мне не нужны имения — я не живу в одном месте больше нескольких месяцев. Мне не нужны драгоценности — я не ношу их, кроме этого перстня. — Он поднял левую руку, на которой блестел массивный золотой перстень с гравировкой. — Мне нужны братья.

— Братья? — не понял князь.

— Братья по духу, — объяснил Калиостро. — Люди, которые хотят знать правду. Которые не боятся смотреть в лицо тайнам. Которые готовы защищать знание, даже когда оно опасно. Я создаю ложу. «Египетскую» ложу. И я приглашаю вас, князь, вступить в неё.

Гагарин задумался. Он был человеком своего времени — просвещённым, читал Вольтера и Дидро, интересовался науками. Он знал, что масоны есть в Петербурге, что сам Потёмкин, говорят, состоит в ложе. Но он никогда не думал, что придёт день, когда ему предложат вступить.

— Что я получу? — спросил князь.

— Знание, — ответил Калиостро. — Истинное знание. Не то, которое дают в университетах. А то, которое передаётся из уст в уста, от учителя к ученику, от мастера к брату. Вы узнаете тайны древних цивилизаций. Вы научитесь отличать истину от вымысла. Вы поймёте, почему правление императрицы заканчивается и почему скоро на престол взойдёт тот, кто боится собственной тени.

Князь Гагарин вздрогнул. Речь шла о Павле, цесаревиче, которого все считали чудаком и мизантропом. Калиостро, кажется, знал больше, чем следовало знать иностранцу.

— Хорошо, — сказал князь после долгой паузы. — Я вступаю. Но при одном условии: вы никогда не причините вреда моей семье.

— Клянусь, — ответил Калиостро, прижав руку к сердцу. — Никогда.

Они обменялись рукопожатием. И так у графа Калиостро появился первый влиятельный последователь в Петербурге — человек, который откроет ему двери в самые высокие круги столичного общества. А через несколько лет, когда князь Гагарин умрёт, его сын, тот самый Николай, которого вылечил Калиостро, продолжит дело отца. И будет хранить тайну до самой смерти.

Калиостро подошёл к окну, посмотрел на заснеженный Петербург. Город раскинулся перед ним — дворцы, соборы, шпили. Европейский город, построенный на болоте волей одного человека. И в этом городе, думал Калиостро, он оставит свой след. Не пушечным выстрелом и не монументом. А тайной. Тайной, которая переживёт его на сотни лет.

— Князь, — сказал он, не оборачиваясь. — Запомните одно: правда, которую мы прячем сегодня, однажды выйдет наружу. И тот, кто её найдёт, будет проклят. Потому что правда всегда проклята. Но тот, кто её спрячет, будет благословлён. Потому что он защитит будущие поколения от боли, которую не нужно знать.

Князь не понял этих слов. Но запомнил. И передал их сыну. А сын — внуку. И так, через поколения, тайна Калиостро дошла до блокадного Ленинграда, где капитан Алексей Ухтомский, правнук того самого князя, искал ответы в пыльных архивах старой аптеки.

ГЛАВА 4. «Тайный брат»

Время: 16 января 1943 года, 09:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

Кабинет, в который вошёл Алексей, был ему незнаком. Раньше здесь сидел генерал Глухов — его прежний начальник, с которым они прошли не одно дело. Глухова перевели в Москву ещё осенью 1942 года, повысили до заместителя начальника Главного управления контрразведки. Перед отъездом они встретились в этом же кабинете, и Глухов, глядя на Алексея своими тяжёлыми глазами, сказал: «Сорокин — человек жёсткий, но справедливый. Работайте с ним, не перечьте. И помните: я за вами слежу. Если что — пишите». Алексей так и не написал — не было времени.

Теперь здесь сидел полковник Сорокин — новый начальник, появившийся в конце 1942 года, назначенный из Москвы с широкими полномочиями. Он был средних лет, плотный, с короткой стрижкой и тяжёлым взглядом, который, казалось, видел собеседника насквозь. Сорокин не улыбался, не шутил, не спрашивал о здоровье. Только ставил задачи и требовал их исполнения.

— Входите, Ухтомский, — произнёс он, не поднимая головы от бумаг. — Закройте за собой.

Кабинет был обставлен скупо: письменный стол, два стула для посетителей, железный сейф в углу, портрет Сталина на стене. Единственной деталью, выдававшей неслучайность этого человека, была карта Ленинграда на столе — не военная, а историческая, с отметками старых зданий, церквей, монастырей, усадеб. Карта масонского Петербурга, догадался Алексей, взглянув на неё мельком.

— Садитесь, — Сорокин указал на стул. — Глухов о вас хорошо отзывался. Говорил, что вы упёртый, как танк, но дело знаете. Что нашли в аптеке?

Алексей доложил коротко, опустив детали: труп красноармейца, флакон, пустой тайник, гравировку «Cagliostro. 1780». Он не стал рассказывать о рецептурных книгах, о флаконе № 7, о надписи на пробке. Во-первых, не был уверен, что это важно. Во-вторых, интуиция подсказывала: если сказать всё, дело заберут, а его отстранят. А он хотел докопаться до сути сам.

— Калиостро, — задумчиво протянул Сорокин, перебирая бумаги на столе. — Граф Калиостро. Джузеппе Бальзамо. Авантюрист, алхимик, масон. Был в Петербурге в 1779–1780 годах. Прославился своими «чудесами» — лечил безнадежных, предсказывал будущее, вызывал духов. Екатерина II выслала его за шарлатанство. Но до этого он успел создать ложу. «Египетскую» ложу. Вы слышали о ней?

— Что-то читал, — осторожно ответил Алексей. — В архивах Эрмитажа, когда работал над диссертацией.

— Диссертация по геральдике и нумизматике, — кивнул Сорокин. — Я знаю, кто вы, Ухтомский. Историк. Специалист по символам. Именно поэтому вы здесь. Немцы активизировались. Их агенты ищут в блокадном Ленинграде артефакты, связанные с масонами. С Калиостро. Мы не знаем зачем, но догадываемся. Аненербе — нацистская организация по изучению оккультизма — считает, что масоны владели секретами древних цивилизаций. Технологией, которые можно использовать в войне. Бред, конечно. Но если немцы верят в бред, нам приходится реагировать.

Сорокин протянул Алексею папку — толстую, завязанную бечёвкой. «Картотека масонских лож Петербурга. Составляли ещё до войны, в НКВД. Здесь всё: списки членов, места

собраний, тайные знаки. Изучите. Особенно то, что касается ложи “Уроборос”. Найдите артефакты раньше немцев. У вас три дня».

Алексей развязал бечёвку, открыл папку. На первой странице — выписка из секретного архива, датированная 1937 годом. «Ложа “Уроборос” (египетская). Основана графом Калиостро в 1780 году. Члены: Пеля Карл Иванович — аптекарь, владелец аптеки на Васильевском острове. Гагарин Сергей Гаврилович — князь, тайный советник. Елагин Иван Перфильевич — директор императорских театров, масон, поэт. Всего двенадцать человек. Ложа прекратила существование в 1801 году после убийства императора Павла I. Объект интереса — предположительно, артефакты, связанные с предсказанием смерти Павла. Местонахождение неизвестно».

Алексей поднял глаза на Сорокина. Полковник смотрел на него в упор, ожидая реакции.

— Здесь сказано, что ложа связана с убийством Павла I, — произнёс Алексей. — Какое это имеет отношение к войне?

— Мы не знаем, — признал Сорокин. — Но Геббельс объявил Калиостро «арийским героем», борцом против еврейского заговора. Им нужна его символика. Им нужны его артефакты — чтобы поднять дух солдат. Или чтобы создать новое оружие. Честно говоря, мне всё равно. Моя задача — опередить их. Ваша — помочь мне.

— У меня есть кое-что, — сказал Алексей, решив, что скрывать уже бессмысленно. — В аптеке, за старым шкафом, я нашёл схему. Четыре креста на карте Петербурга. Один — аптека Пеля, мы там уже были. Второй — Екатерининский дворец в Пушкине. Третий — Феодоровский собор. Четвёртый — дом Радищева на Васильевском острове.

— Где сейчас находятся эти места? — спросил Сорокин, подавшись вперёд.

— Пушкин оккупирован немцами, — ответил Алексей. — Екатерининский дворец разграблен, Янтарная комната вывезена. Феодоровский собор — в том же районе, тоже под немцами. Дом Радищева в Ленинграде — там сейчас штаб ПВО, но до него можно добраться.

Сорокин задумался. Он покусывал мундштук потухшей трубки — привычка, оставшаяся ещё с довоенной жизни.

— Вы понимаете, что Пушкин — это линия фронта? — сказал он наконец. — Туда не так просто попасть.

— Понимаю, — кивнул Алексей. — Но если немцы найдут артефакты раньше нас, они их вывезут в Германию. И мы никогда не узнаем, что там было.

— Хорошо, — Сорокин встал из-за стола, подошёл к карте Ленинграда, висевшей на стене. — Я дам вам группу. Трое разведчиков, радист, проводник. Перейдёте линию фронта ночью. Ваша задача — найти артефакты в Пушкине и вернуться. Времени у вас — двое суток. Завтра ночью выступаете.

— А дом Радищева? — спросил Алексей.

— С домом Радищева разберётесь после. Сначала Пушкин.

Алексей кивнул, взял папку, собрался уходить.

— Ухтомский, — окликнул его Сорокин. — Будьте осторожны. Я не хочу терять хороших специалистов. А вы — хороший специалист. И не только как историк. Глухов просил за вас — сказал, что вы один из лучших. Не подведите.

— Постараюсь, — ответил Алексей и вышел в коридор.

Сорокин остался один, глядя на карту масонского Петербурга. На ней, среди старых зданий и церквей, были отмечены места, где когда-то собирались заговорщики, масоны, тайные общества. И одно из этих мест — Екатерининский дворец в Царском Селе — сейчас находилось в руках врага.

ГЛАВА 5. «Наследник а

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.